

DOI: 10.18254/S271332140014382-7

Оригинальная статья / Original Article

**ЕВРАЗИЯ В ЭПОХУ СИЛОВОЙ ГЕОЭКОНОМИКИ:
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ
И ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ РИСКОВ****Д. Евстафьев**

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадьевич (devstafiev@hse.ru)
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва,
Российская Федерация

Мир вступает не просто в период интенсивных геополитических трансформаций и пересмотра считавшихся незыблемыми принципов организации международных политических и экономических отношений, но и в эпоху конкуренции крупнейших игроков на мировой экономической арене за право определять характер правил игры в глобальной экономике. Одним из наиболее важных феноменов последних лет стала модель гибридной войны, используемая для разрушения враждебных политических режимов. В последние годы мы наблюдаем попытки масштабирования этой модели, использование ее для изменения геоэкономической направленности крупных, исторически сложившихся регионов, слома структуры их связей экономической взаимозависимости. Постсоветская Евразия является одним из регионов, где эффект масштабированных гибридных войн может стать одним из наиболее разрушительных. В случае, если такое развитие событий станет возможным, это приведет к утрате постсоветскими государствами, включая Россию, шансов на участие в формировании будущей системы геоэкономических отношений, а как следствие, и геополитических, с правом значимого голоса.

Ключевые слова: глобальные трансформации, силовая геоэкономика, геоэкономические макрорегионы, Евразия, евразийская интеграция.

Для цитирования: Евстафьев Д. Евразия в эпоху силовой геоэкономики: особенности трансформаций и возможности нейтрализации рисков // Евразия.Эксперт. 2021. № 1. С. 14–22. DOI: 10.18254/S271332140014382-7

**EURASIA IN THE AGE OF POWER GEOECONOMICS:
PECULIARITIES OF TRANSFORMATIONS AND POSSIBILITIES
OF NEUTRALIZING RISKS****D. Yevstafiev**

Dmitriy G. YEVSTAFIEV (devstafiev@hse.ru)
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

The world enters not just into the era of intensive geopolitical transformations and revision of the principles of the organization of international political and economic relations that earlier were regarded as inviolable, but rather into the period of intensive competition of the most important players at the global arena for the rights to have influence in the global economy. One of the most important phenomena of the recent years is the model of the hybrid war which is targeted towards the destruction of hostile political regimes. Through recent years

we witness the attempts to widen the application of this model using it to change geo-economic vectoring of large historical regions, to crush the existing links within the system of economic interdependence. Post-Soviet Eurasia is the region, where the effect of the scaled hybrid war could become most destructed. In case that variant of development becomes possible that would lead to losing of the post-Soviet states including Russia the potential for participation as a stakeholder in the formation of the perspective geoeconomics system as well as the geopolitical one.

Keywords: global transformations, force-supported geoeconomics, geoeconomics macro-regions, Eurasia, Eurasian integration.

For citation: Yevstafiev D. Eurasia in the Age of Power Geoeconomics: Peculiarities of Transformations and Possibilities of Neutralizing Risks // Eurasia.Expert. 2021. Is. 1. P. 14–22. DOI: 10.18254/S271332140014382-7

Статья является развитием идей, сформулированных автором в материалах, опубликованных на интернет-портале “Евразия.Эксперт”: «Мятежвойна» как модель трансформаций: Три сценария будущего мирового порядка». 01 февраля 2021 г. и «Евразия в мире “мятежвойны”: точки конфликтов и купирование угроз», 08 февраля 2021 г.

ВВЕДЕНИЕ

По результатам 2016–2020 годов очевидно, что трансформация системы глобальной политики и экономики не только сошла с рельсов эволюционности и постепенности, но и получила в последние годы определенное ускорение, связанное уже не с конкуренцией государств или экономических систем, но с конкуренцией моделей развития.

Особенностью развития ситуации на переломе 2020–2021 годов является кризис всех ранее обозначенных моделей геэкономических и геополитических трансформаций. В чистом виде невозможными становятся ни сценарий эволюционного перерастания монополярности в многополярность через сбалансированное развитие глобальной финансовой системы и политических институтов, ни “бесполярный” мир “глобального беспорядка”, дающий возможность США на фоне ослабления собственных возможностей политического и экономического влияния сохранять статус глобального лидера (Naass, 2021), ни постпространственный мир фиктивного суверенитета, где центральную роль будут играть крупнейшие глобальные корпорации. Эти сценарии, сохраняясь на политическом уровне, существенно трансформируются в операционном плане, становясь не просто адаптированными к конкретным регионам, но и до известной степени ситуативными.

Источниками этого кризиса моделей развития являются:

во-первых, нарастание региональных асимметрий в экономическом и политическом развитии, разрушение целостности глобальной экономики. Глобализация не только не смогла создать условия для новой конвергенции, понимаемой как сглаживание противоречий между различными регионами (Спенс, 2013), но и в поздней своей версии не сформировала условий для преодоления последствий кризиса 2008–2009 годов в ядре глобализации;

во-вторых, очевидное понимание геэкономической недостаточности всех этих сценариев, их концентрация преимущественно в сфере политического управления и опора на политическое доминирование и контроль политических систем. Мир постепенно выходит из состояния “предхаоса”, характерного для последних лет (Евстафьев, 2021), и, как результат, происходит размораживание процессов глобальных трансформаций, но неравномерное и зачастую разнонаправленное. В элитах важнейших региональных держав формируется понимание невозможности реализации своих геэкономических интересов и амбиций только за счет экономических интересов.

С учетом динамики последнего времени конкуренция будет вестись в рамках трех условных векторов развития, на основании которых будут формироваться различные ситуативные и адаптированные к конкретным пространствам сценарии:

— Возвращение к состоянию на 2015–2016 годы через обновление в “косметическом” режиме базовой системы глобализации на основе усиления американского идеологического лидерства и достижения безусловного доминирования в глобальных финансах. Как считалось, это вернет США к способности проецирования “мягкой” силы и влияния (Нье, 2018), утрачивавшихся в условиях усиления значимости силового фактора. С геэкономической точки зрения это означало бы продолжение относительного ослабления роли США как глобальной промышленной державы на фоне

сохранения контроля над наиболее значимыми инвестиционными потоками. Определяющим фактором оставался бы американский потенциал проецирования силы в политических и геоэкономических целях. В этом направлении пытается развернуть ситуацию администрация Дж. Байдена. Но успешность этого сценария целиком зависит от способности государственной системы США сдерживать, а затем и ограничить влияние крупнейших корпораций на принятие политических решений.

— Продолжение глобальной десоверенизации при сохранении США как “хаба” глобальных корпораций и единственного “глобального полицейского”, обеспечивающего благоприятный характер трансформаций в приоритетных странах. Данный вектор, еще в начале 2010-х годов считавшийся флагманским, сталкивается с активным противодействием со стороны национальных государств. Проблемой становится и невозможность ограничить ареал сетевизации. Теперь становится вполне допустимой хаотизация отдельных пространств, не являющихся критическими для функционирования сетевизированных экономических систем, при условии сохранения контроля над важнейшими экстерриториальными анклавами, контролируемые ТНК. Вектор предполагает постоянное поддержание “баланса уязвимостей” (“слабости”) в пользу сетевых структур.

— Формирование региональных “зон влияния” вокруг новых центров силы. На этой основе могут быть сформированы полноценные геоэкономические макрорегионы, но в настоящее время главным инструментом формирования “зон влияния” становятся инструменты сферы безопасности, понимаемые максимально широко. Особенность данного процесса в том, что он происходит на фоне сохранения относительно высокого уровня экономической взаимозависимости между участниками процесса (пример — кризис в отношениях между США, ЕС и Турцией, связанных отношениями экономической взаимозависимости в важнейших отраслях экономики) при одновременной нарастающе высокой востребованности военно-силовых инструментов. Это отражает необходимость формирования защищенного геоэкономического пространства, где страна-гегемон будет иметь возможность устанавливать контролируемые правила игры и обеспечивать ограничение внешнего вмешательства. Успех этого сценария, локализованного под конкретные особенности и регионов, и конкретных стран-претендентов на лидерство, зависит от способности обеспечивать защищенность

финансовой системы и устойчивость политического режима в случае сильного внешнего давления.

Эти три вектора трансформаций в практической плоскости формируют целый ряд промежуточных моделей трансформаций, успешных и неэффективных, обладающих рядом общих свойств, сводящихся, с одной стороны, к тому, что все векторы развития предусматривают в той или иной степени изменение системы глобальной геоэкономической взаимозависимости, а с другой — предполагают широкое, но гибкое применение военно-политического и военно-силового инструментария, в том числе и для последующего поддержания сконструированной системы.

Правомерно определить современную историческую эпоху как эпоху силовой геоэкономики, когда приоритетным становится формирование новых геоэкономических пространств с критически измененными связями экономической взаимозависимости, что предполагает превращение внутри-региональных связей в более значимые, чем внешние, осуществляемое с широким, а в перспективе с почти неограниченным, использованием военно-силовых методов в качестве инструментов трансформаций геоэкономического пространства. **Постепенная трансформация связей взаимозависимости и составляет процесс формирования макрорегионов**, неизбежно приводящий к возникновению пространств национального или корпоративного суверенитета, а на определенном этапе — деактуализации постпространственной модели глобализации.

Отметим в качестве факторов, дополняющих ситуацию, с одной стороны, использование как крупнейшими глобальными корпоративными структурами, так и традиционными центрами силы остаточного потенциала американской глобальной монополярности для нейтрализации попыток новых центров силы сформировать “зоны влияния”, зачастую паразитируя на ослаблении США и их сателлитов. Именно этот сценарий пытались реализовать лидеры ЕС для предотвращения утраты доминирования в Средиземноморье. Эту же технологию попытались использовать и в отношениях с Россией, соглашаясь с хаотизацией отдельных сегментов постсоветского пространства (например, Украины), которые ранее считались стратегически важными.

В рамках “большой картины” мы наблюдаем заведомо разновекторное по целям, промежуточным задачам, социальному и идеологическому наполнению развитие мира, объединенное методами осуществления, все больше включающими в себя и военно-силовой компонент, будучи интегрированными на платформе так называемых гибридных войн.

Это формирует системы трансформаций регионального, а при определенных условиях и субглобального масштаба, опирающуюся на размораживание локальных узлов противоречий геоэкономического характера с использованием широкого арсенала средств воздействия, включающего и силовые методы воздействия на государства и общества извне и изнутри. Внешним проявлением такого развития становится, как правило, цепь внутренних гражданских войн, приводящих к глубокому изменению не только политического, но и геоэкономического характера больших политических пространств (Месснер, 2004; Можегов, 2021). Примером может служить так называемая арабская весна, по форме — совокупность национальных явлений, направленных на изменение национальных политических систем, но, по сути, на практике приведшая к глубокой переконфигурации геоэкономического пространства, игравшего важную роль в мировой экономике Средиземноморья, а также ряда смежных с ним регионов.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Сейчас процесс трансформаций уже не может реализовываться в эволюционном варианте. Время для формирования новой глобальной политической и экономической институциональности, способной обеспечить управляемость процессов, их “арбитражный характер”, было упущено в попытках сохранить монополярный характер системы международных политических и экономических отношений. Попытка сформулировать основы такой системы была предпринята Г. Киссинджером (Киссинджер, 2017). Но сформулированные подходы, во-первых, не могли рассматриваться как целостная система, во-вторых, не смогли разрешить дилемму, поставленную другим великим американским геополитиком Зб. Бжезинским: глобальное лидерство или глобальное доминирование (Бжезинский, 2004). Наконец, эти попытки оказали минимальное воздействие на американскую внешнеполитическую практику, выбравшую модель “масштабирования тактики” и продвижения “альянсов демократии”, что было попыткой имитации “лидерства” в условиях деградации потенциала “доминирования”.

Ситуация была усугублена тем, что после кризиса 2008–2009 годов, когда ставка была сделана на сохранение американоцентричности в финансовом секторе любой ценой, в том числе и за счет провоцирования бегства капитала в результате вооруженных конфликтов (чем, например, была так называемая арабская весна). Справедливости ради

отметим, что возможность крупных глобально значимых системных трансформаций в экономике и политике на рубеже 2025–2030 годов прогнозировалась многими специалистами по объективным причинам как результат накопления противоречий внутри системы (Кокошин, Панов, 2016).

Гипотеза относительно характера геоэкономических трансформаций сегодняшнего дня, выдвигаемая автором, основывается на трех отправных точках:

— “Рывковый” характер трансформаций, относительно короткая продолжительность “политико-силового” периода при значительной “скрытой” части инкубационного периода. Этот аспект трансформаций отражает отсутствие у большинства значимых глобальных игроков ресурсов для ведения крупного военно-силового противостояния, политическое и экономическое их стремление минимизировать затраты ресурсов.

— Опора на сочетание внутренних и внешних факторов трансформаций. Трансформации на региональном уровне в рамках любого из описанных выше сценариев опираются на изменения характера политических режимов и геоэкономической ориентации важнейших государств в рамках формирующихся макрорегионов.

— Постепенное нарастание востребованности военно-силовых элементов на фоне стремления ведущих держав мира ограничить возможную эскалацию, оставаясь в рамках модели “гибридной войны”, впрочем, также начинающей сдвигаться к использованию инструментария, более насыщенного силовым содержанием. Но ограничения на форматы использования силовых инструментов также начинают постепенно ослабевать.

Это вполне соответствует сформулированному нами понятию “силовая геоэкономика”: главной целью политики крупнейших государств является получение за счет военно-силовых средств более выгодных конкурентных условий для последующей конкуренции в рамках более экономизированной модели развития, основанной на трансформированном по сравнению с эпохой поздней глобализации понимании “эффективности” как эффективности большой системы.

Классическими примерами трансформаций, вероятно, характерных для новой эпохи, являются состоявшиеся трансформации на Южном Кавказе и не состоявшиеся — в западной оконечности Евразии.

Трансформации на Южном Кавказе, начавшиеся с “электромайдана” в Армении (2015 год) и получившие свое воплощение в цветной революции

в этой стране, создали политические условия для изменения замороженного политического и военно-политического статус-кво в регионе. На определенном этапе развития внутренней ситуации в странах региона (Армении, Азербайджане, Грузии, но также и России) произошло размораживание конфликта в Нагорном Карабахе, военно-политическое развитие которого привело к фундаментальным изменениям геополитической и геоэкономической структуры региона, к усилению присутствия в регионе Турции и России и формированию вокруг Нагорного Карабаха новой геоэкономической ситуации, позволяющей при определенных условиях осуществлять реализацию крупных геоэкономических проектов в условиях сокращения пространства национального суверенитета Армении и Азербайджана, но также и Грузии.

Нереализованные трансформации в западной оконечности Евразии были связаны с провалом сценария “цветной революции” в Белоруссии, призванной обеспечить переход — вероятнее всего, не обязательно форсированный — страны (во всяком случае, большей ее части) в сферу геоэкономического влияния Польши при сохранении относительной открытости границ с Россией, что создавало бы эффект экономической “черной дыры”. Неудача со свержением президента А. Лукашенко лишила важнейший геоэкономический проект “Междуморье” (Бороденко, 2020), сориентированный на формирование контролируемой Польшей как младшим партнером США “сферы влияния”, важнейшего компонента экономического фундамента, отложив его реализацию на неопределенный срок.

Гипотеза автора может быть сформулирована следующим образом:

В силу объективных и субъективных причин, главными из которых являются наличие объективных связей глобальной геоэкономической взаимозависимости и ограниченность ресурсов для поддержания устойчивости собственных социально-экономических систем у наиболее активных интересантов глобального передела мира, трансформации экономических макрорегионов, их геоэкономическое реформативное будут происходить в формате “гибридной войны” с ограниченным вовлечением “великих держав”. Важнейшим инструментом будет раскачивание внутренней социально-политической ситуации с целью развала элитного консенсуса и временного вывода ситуации за рамки текущей экономической рациональности. Как результат, будут возникать геоэкономические “серые зоны”, где распад экономических систем и даже хаотизация не будут иметь для внешних участников конфликта серьезных

последствий. Их задачей будут социальное конструирование, формирование или даже экспорт в пространства новых экономических связей и отношений, а также встраивание “вырванного” из прежней среды экономического пространства в новую систему, способную обеспечить, как минимум, выживание элиты.

Принципиальным и приоритетным становится вопрос о роли и месте Евразии в системе глобальных трансформаций, предельные рамки этих трансформаций применительно к пространству Евразии и степень уязвимости Евразии перед новыми технологиями трансформаций.

ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИИ КАК ПРОСТРАНСТВА ТРАНСФОРМАЦИЙ

Существует целый ряд факторов, определяющих масштаб и интенсивность трансформаций, набор наиболее эффективных инструментов их стимулирования. Эти факторы до известной степени универсальны, но присутствуют и применительно к евразийскому геополитическому пространству, где проявляются все основные противоречия, свойственные современному миру. С этой точки зрения было бы большой ошибкой говорить о заведомой особенности евразийского пространства, его принципиальной отличности от других регионов, вовлеченных в процессы глобализации.

Если говорить о специфике Евразии как пространства трансформаций, то необходимо акцентировать следующие важнейшие обстоятельства:

— Отсутствие в Евразии собственных источников экономического роста, за исключением связанных с Россией. В любом случае наличие зависимости экономического развития стран региона от внешнего фактора, нарастающая несамодостаточность экономик постсоветских государств, в перспективе усиливающаяся.

— Относительно низкую приоритетность региона, несмотря на логику для крупнейших мировых игроков. Евразия рассматривается как регион, которым могут манипулировать противники, создавая угрозу, но не как источник мощи. Это характерно даже для России, где интерес к евразийской интеграции и евразийской политике устойчиво падает. Тем более такой подход характерен для Китая, где попытки США усиливать политическое влияние в Евразии и манипулировать местными политическими элитами рассматриваются весьма болезненно.

— В Евразии, несмотря на разновекторное геоэкономическое развитие последних лет, сохраняются значимые элементы региональной экономической и социальной взаимозависимости. Их разрушение в ходе возможного геоэкономического переформатирования евразийского пространства, и тем более в случае его распада, будет иметь значительные социальные и социально-политические последствия.

— Кризис моделей социального развития в большинстве стран Евразии. Это дает возможность действовать в социально-политических процессах практически “с чистого листа” с учетом наличия большого “несвязанного” человеческого потенциала. В какой-то мере можно говорить об эффекте “киргизизация Евразии”. Социальная деструкция и экономическая деградация становятся решающими внутренними источниками политической нестабильности. Но они же легко могут использоваться внешними силами.

Эти обстоятельства обуславливают очевидный вывод:

Трансформации в Евразии по модели гибридного воздействия неизбежно приведут к быстрой интернационализации конфликтов, создав классическое для эпохи “силовой геополитики” трансформации сочетание внутренних и внешних факторов дестабилизации. Это неизбежно обусловит востребованность технологий гибридного воздействия на государства региона, в том числе и с использованием силовых методов.

Евразия становится привлекательной площадкой для конкуренции, сохраняется в качестве важного региона с точки зрения расширения возможностей доступа к ресурсам, но не представляет интереса как объект социально-экономической модернизации и пространство, пригодное для включения в “ядро” или даже внутреннюю “полупериферию” формируемых новых макрорегионов. Большинство внешних факторов воздействия работают в пользу разрушения не только геоэкономической целостности Евразии, но и политико-территориальной целостности отдельных государств Евразии.

Это означает, что Евразия может не просто стать одной из фокусных точек для геополитических трансформаций, более того, стать пространством, где подобные трансформации, стимулированные извне, могут рассматриваться в качестве наиболее безопасного способа разрешения противоречий в более геополитически ценных регионах, где нарушение устойчивости может иметь тяжелые последствия. Можно констатировать, что Евразия

становится одним из регионов, в наибольшей степени подходящих для трансформаций в формате комплексного воздействия извне и изнутри с **вероятным целевым распадом традиционной системы внутренних связей экономической взаимозависимости и политического взаимодействия**, и без того ослабших за последнее время.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Процессы в постсоветской Евразии с этой точки зрения вполне отражают общемировую тенденцию глобальных трансформаций через ограниченные политико-силовые конфликты, имеющие в своей основе экономические противоречия и дополняющиеся внутренними противоречиями. Безусловно, возникают локальные асимметрии по темпам развития процессов и особенности институционализации, но наличие общих черт в процессах трансформации сомнений не вызывает. Отметим несколько региональных узлов уже обозначенных и перспективных трансформаций, при всех особенностях соответствующих модели гибридных:

— Причерноморье. В регионе происходит распад традиционной политической и военно-политической институциональности на фоне сравнительно низкого уровня взаимозависимости стран региона, сокращенной в том числе и в силу введения масштабного режима политических и экономических санкций. Очевиден рост значимости военного фактора при сохранении ограниченных возможностей прямого применения военной силы. Но расширение пространства для применения военно-силовых инструментов может произойти быстро. В основе происходящих процессов лежат различные сценарии геоэкономического переформатирования региона, включая весьма радикальные (Шустов, 2017). Это отражает утрату Черноморским регионом возможности выполнять прежние геоэкономические функции (вероятно, в силу изменения региональных геоэкономических потребностей, в том числе и в результате трансформации макрорегиональной логистики), что может сравнительно быстро привести к утрате регионом геоэкономической целостности. Это делает его привлекательным “полем боя” — пространством, позволяющим сравнительно безопасно для внешних сил реализовывать потенциал силовой конкуренции с Россией.

— Прикаспийское пространство. Динамика формирующейся новой системы экономической взаимозависимости на фоне ускоренного по отношению к другим регионам постсоветского

пространства распада “традиционных” (постсоветских) связей формирует пространство для расширения возможностей военно-силовых решений вплоть до ограниченного применения военной силы и тем более гибридных методов воздействия на оппонентов. С учетом внутренней разбалансировки социальных систем регионов на национальном уровне (не исключая и отдельные регионы России) регион может ждать наиболее жесткая трансформация, тем более что уровень влияния внешних сил уже сейчас значителен, включая и прямое присутствие иностранного военно-силового потенциала. При определенных условиях регион может “проскочить” фазу развития проху war-fare в развитии гибридного воздействия, что будет источником глобально значимых процессов дестабилизации.

— Западная оконечность Евразии, где в результате агрессивной политики Польши, кризиса постсоветской государственности в Белоруссии и ее фактического распада на Украине формируется пространство для реализации крупнейшего геоэкономического проекта “Междуморье” под патронажем Польши. О реализации механизма гибридных трансформаций для данного проекта уже говорилось выше. Отметим лишь, что, вероятно, роль военно-силовых инструментов будет на данном направлении расти. В настоящее время процессы в этом геоэкономическом пространстве находятся в одной из важнейших точек бифуркации. Сохранение геоэкономической многовекторности в регионе на среднесрочную перспективу выглядит крайне сомнительно. Но и “Междуморье” не может рассматриваться в качестве “естественного” геоэкономического региона: он может быть сформирован только при условии значительного задействования силовых методов, но и поддерживаться может только через политические и политико-силовые инструменты.

— Центральная Азия. Ситуация характеризуется распадом важнейших социальных систем при сохранении высокой степени социально значимой взаимозависимости между странами. Парадокс в том, что вероятность трансформации региона через осмысленное, рациональное использование военно-силовых инструментов (принятие решения на государственном уровне) минимальна, но потенциал возможности неуправляемой или малоуправляемой силовой трансформации региона, особенно при воздействии извне, в частности, в результате попыток оказания давления на Россию или Китай, исключительно велик. Главной опасностью в регионе является реальная возможность — на фоне ослабления сдерживающих

связей взаимозависимости — возникновения военно-силового конфликта в результате условно “случайного”, ситуативного стечения обстоятельств.

Евразия стала пространством, которое затрагивают как минимум четыре разнородных процесса формирования макрорегионов, в каждом из которых имеется потенциал развития военно-силовой составляющей. Все эти четыре узла трансформаций имеют своей основой не только и не столько ослабление связей экономической взаимозависимости (которого, например, в случае отношений России и Белоруссии просто нет), но отсутствие адекватных политических и социальных амортизирующих механизмов, обеспечивающих купирование рисков, возникающих в связи с развитием глобальной геоэкономической ситуации. За исключением центральноазиатского узла, который выделяется на общем фоне, все остальные пространства потенциально могут быть превращены в новые макрорегионы, хотя и с различной степенью самодостаточности. Но это может произойти только при условии активного внешнего воздействия (стимулирования) и последующего участия. Центральноазиатский узел изначально предполагает высокий потенциал внутренней деструкции, и этим он особенно опасен в среднесрочной перспективе.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Важнейший вывод из событий последних полутора лет сводится к тому, что территориальная и тем более социально-экономическая целостность Евразии не является приоритетом ни для одной из внешних сил, претендующих на роль “ядра” при формировании новых макрорегионов в ближайшем геополитическом окружении Евразии. Территориальная, а точнее, территориально-политическая целостность государств Евразии, а значит, и эволюционная трансформация местных политических элит может быть обеспечена только при условии, что Евразия в целом или, как минимум, большая и наиболее ресурсно и логистически привлекательная ее часть будет интегрирована в рамках нового макрорегиона, обладающего внутренними драйверами экономического развития и относительно защищенного от внешнего воздействия в любой форме, включая и инструментарий гибридных войн. **Многовекторность в новую геоэкономическую эпоху становится инструментом импорта конкуренции внешних сил в пространство Евразии в целом и отдельных государств в частности.** Это может

привести к разрыву экономической целостности стран и регионов Евразии более мощными соседними макрорегионами, как это уже происходит, например, в Белоруссии, где на фоне внешнего давления усиливается раскол между условно “западными” и “восточными” регионами, а также на Украине, уже переставшей быть целостной экономической системой.

Для Евразии приоритетным риском на среднесрочную перспективу становится не столько этническая, сколько пространственная химеризация, грозящая распадом не только социальных систем, но и государств как таковых. Именно этот исход предполагают во многих случаях трансформации через механизм гибридного конфликта, но его во многом и стимулирует гибридная политическая и геоэкономическая многовекторность.

Определяющими условиями для сохранения в Евразии шанса на самостоятельную геоэкономическую роль в новых условиях являются:

— Сохранение национального суверенитета и относительно высокого уровня защищенности элиты и “служивого класса” от манипуляций извне. Только на основе относительно защищенного суверенитета (абсолютный суверенитет сейчас невозможен) возможно принятие устойчивых по времени и содержанию решений об эффективных форматах геоэкономической интеграции.

— Сопряжение планирования локальных (в том числе двусторонних) интеграционных инициатив с общеевразийскими (Алимджанов, 2020), что вполне возможно даже в нынешнем, серьезно усложнившимся политическом контексте.

— Сохранение целостности крупных экономических систем, прежде всего ресурсных и инфраструктурных, развитие наиболее значимых отраслей (энергетики, связи, систем управления) в рамках, как минимум, скоординированных подходов и безусловно на базе одних и тех же технологических стандартов и стандартов промышленной и социальной безопасности.

— Сбалансированное развитие политических процессов, дистанцирование от этнократических моделей, реализация которых в условиях Евразии — предпосылка к распаду социальных систем. Попытка сохранить многовекторность на базе усиления национал-этнократической составляющей в системах власти может стать особенно опасной.

— Повышение уровня защищенности от внешнего политического воздействия, что будет являться основой сдерживания процессов стимулирования нежелательных и стимулированных извне трансформаций.

Эпоха “силовой геоэкономики” толкает государства Евразии к признанию невозможности дальнейшего сохранения ее целостности и потенциала как самостоятельного геоэкономического макрорегиона без надстройки не столько политической составляющей, сколько инструментарием обеспечения безопасности в широком смысле этого термина (Погорельская, 2020): от санитарной безопасности до информационной, что, как минимум, даст новый уровень социальной устойчивости к угрозам не только военно-политического, но и социально-политического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимджанов Б.А. Сопряжение Евразийского экономического союза с субрегиональной интеграцией центральноазиатских республик // Евразия. Эксперт. Электронный научный журнал. Выпуск 3—4. 2020. Режим доступа: <https://journal.eurasia.expert/s271332140013104-1-1/>. DOI: 10.18254/S271332140013104-1
2. Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004. 288 с.
3. Бороденко М. “Польское междуморье”: что стоит за созданием Люблинского треугольника у границ Беларуси и России // Евразия. Эксперт, 26 Августа 2020 г. Электронный ресурс. Режим доступа: https://eurasia.expert/chto-stoit-za-sozdaniem-lyublinskogo-treugolnika-u-granits-belarusi-i-rossii/?sphrase_id=23790
4. Евстафьев Д. Предхаос как среднесрочное состояние глобальной политики и экономики // Экономические стратегии. № 1. 2021. С. 2—9.
5. Киссинджер Г. Мировой порядок. Пер. с англ. М.: АСТ, 2017. 512 с.
6. Кокошин А.А., Панов А.Н. Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 года. М.: КРАСАНД, 2016. С. 336.
7. Месснер Е.Э. Всемирная мятежная война. М.: Кучково поле, 2004. 512 с.
8. Можегов В.И. Мировая гражданская война. М.: Родина, 2021. 224 с.
9. Погорельская А.М. Противодействие нетрадиционным угрозам безопасности на постсоветском пространстве // Евразия. Эксперт. Электронный научный журнал. Выпуск 1—2. 2020. Режим доступа: <https://journal.eurasia.expert/s11111110011021-6-1/>. DOI: 10.18254/S271332140011021-6.
10. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. Пер. с англ. М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2013. 336 с.

11. Шустов А. Грузия — Иран: удастся ли связать Персидский залив и Черное море? // Евразия.Эксперт. 28 Апреля 2017 г. Электронный ресурс. Режим доступа: https://eurasia.expert/gruziya-iran-udastysya-li-svyazat-persidskiy-zaliv-i-chernoe-more/?sphrase_id=23824.
12. Haass R. Present at the Destruction. Trump's Final Act Has Accelerated the Onset of a Post-American World // Foreign Affairs, January 11, 2021. Internet source. Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-11/present-destruction>.
13. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs, January 24, 2018. Internet source. Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>

Поступила в редакцию / Received 13.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 27.01.2021

Принята к публикации / Accepted 12.02.2021